

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ,

в которой повествуется о том, как праведные монахи в княжестве Яшмовых цветов устроили волшебное представление, а также о том, как Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн обрели учеников

И вот Танский монах, радостный и довольный, распрощался с именитым правителем области и, сидя на коне, обратился к Сунь У-куну с такими словами:

— Просвещенный ученик мой! На этот раз ты совершил дело куда более важное, чем в царстве Нищенствующих монахов, где спас детей от гибели.

— В том царстве было спасено всего-навсего тысяча сто одиннадцать детей, — вмешался Ша-сэн, — а здесь после благодатного дождя, напитавшего почву, тысячи и десятки тысяч людей заживут в достатке! Я сам, в душе, не могу нахвалиться силой волшебства, проникающего до небес, которым владеет мой старший брат в монашестве, а также его милосердием и благодеянием, распространяющимися на всю землю!

Чжу Ба-цзе при этих словах рассмеялся.

— У нашего старшего братца есть и милосердие и доброта, — проговорил он, — но беда в том, что все это лишь показное: так, он вроде и совершает добрые, справедливые дела, а в душе таит зло. Стоит ему только побывать где либо со мною, старым Чжу, он так и норовит погубить меня.

— Когда это я норовил погубить тебя? — спросил Сунь У-кун. — Хватит, хватит, — зло перебил его Чжу Ба-цзе, — ты всегда только и думаешь о том, чтобы меня связали да подвесили, зажарили или сварили! Вот и теперь, совершил в округе Бессмертного феникса великую милость, облагодетельствовал миллионы людей, казалось бы, можно хоть с полгодика пожить на месте, поводить меня на пиршества, чтобы я мог поесть всласть и досыта, так нет же, торопит да торопит: «Скорей в путь-дорогу!».

Танский монах, прислушавшись к словам Чжу Ба-цзе, прикрикнул на него.

— Ишь ты, какой обжора ненасытный, Дурень! Живей шагай и не смей пререкаться!

Чжу Ба-цзе не стал больше возражать, потер морду обеими руками, поправил на плечах коромысло с поклажей и, усмехнувшись, поспешил за наставником и учениками на большую дорогу.

Время летело быстро, словно челнок в ткацком станке, и снова наступила поздняя осень. Только и видно было, как

На полях исчезают извилины луж,

И вершины хребта оголились,
И багряные листья, слетая с ветвей,
Как бесчисленный рой, закружились.
Вянет сад, наступает пора хризантем,
Стынет небо громадою синей,
С каждым разом становятся ночи длинней,
По утрам появляется иней.
Каждой ночью сияние яркой луны
Полосой проникает сквозь окна,
И под вечер все чаще над кровлями дым
Синеватые стелет волокна.
Зеркалами озера повсюду блестят,
В них студёные льются потоки,
Запах яблоков белых наполнил сады,
Стали красными стебли осоки.
Мандарины на ветках ещё зелены,
Но зато все желтей апельсины.
Блекнет ивовый лист, колосятся хлеба
И косяк пролетает гусиный.
У пустынных селений, в цветах тростника
Отдыхает гусиная стая.
Перед сельской харчевнею куры кричат,
То горох, то бобы собирая.

Долго шли наши четверо путников, и вот опять увидели неясные очертания городских стен.
Подняв плетъ, Танский монах протянул ее и указал вдаль:

— Сунь У-кун! Погляди! Опять перед нами какой-то город. Не знаю только, что это за место.

— Ни ты, ни я никогда там не были, откуда же нам знать? — ответил Сунь У-кун. — Вот когда

приблизимся к нему, спросим у людей.

Не успел он проговорить эти слова, как вдруг из чащи деревьев вышел какой-то старец с бамбуковым посохом в руке, одетый в легкие одежды, в плетеных туфлях из пальмового лыка, перепоясанный тонким пояском. Увидев его, Танский монах так перепугался, что чуть не слетел с коня, однако выступил вперед и произнес приветствие, положенное при встрече. Опершись на посох, старец ответил вежливым поклоном и спросил:

— Откуда ты, почтеннейший?

Танский монах сложил руки ладонями вместе и смиренно ответил:

— Я — бедный монах из восточных земель Танского государства, послан в храм Раскатов грома поклониться Будде и попросить у него священные книги. Ныне мы добрались до ваших благодатных мест и издали увидели очертания городских стен. Но мы не знаем, что это за город, а потому я и обращаюсь к тебе, благодетель наш, с одной только просьбой — рассказать нам о нем.

Старец выслушал просьбу Танского монаха и ответил так:

— Досточтимый праведный наставник! Эта местность является одним из небольших владений, принадлежащих стране Небесных зарослей бамбука, и носит название Яшмовые цветы. Владелец города приходится сродни государю — императору страны Небесных зарослей бамбука, и ему пожалован титул князя Яшмовых цветов. Этот князь очень мудр, с особым почтением относится к монахам-проповедникам, любит простой народ. Я уверен, что если ты, почтенный наставник, повидaeшься с ним, то он с большим уважением отнесется к тебе.

Танский монах поблагодарил старца, а тот удалился в чащу леса и скрылся из виду. Тогда только наставник повернулся к своим ученикам и передал им все, что сказал старец. Те очень обрадовались и собрались было помочь наставнику влезть на коня, но он остановил их.

— Путь до города не очень далек, — сказал он, — и я не хочу ехать верхом.

Все четверо отправились пешком, дошли до улицы на краю города и стали внимательно глядеть по сторонам. Почти все жители занимались торговлей; город был густо населен, и торговля шла бойко. По внешнему виду и по оживлению, которое царило на улицах, город этот очень напоминал города Серединного цветущего государства. Танский монах стал наказывать своим ученикам:

— Братья мои, будьте почтительны и вежливы. Не вздумайте допускать каких-нибудь вольностей.

Чжу Ба-цзе, вняв совету наставника, опустил голову, Ша-сэн прикрыл лицо, один только Сунь

У-кун шел как ни в чем не бывало, поддерживая учителя. Люди с любопытством глазели на пришельцев, то и дело слышались изумленные возгласы:

— Нам приходилось видеть добродетельных монахов, укротителей драконов и тигров, но монаха, который водил бы за собой ручную свинью и обезьяну, мы еще ни разу не встречали.

Чжу Ба-цзе не сдержался, обтер рыло и рывкнул:

— А приходилось ли вам когда-нибудь видеть монаха, укротившего царя всех свиней?

Своим видом он до того напугал зевак, что все они повалились на землю и стали в ужасе расползаться в разные стороны. Сунь У-кун рассмеялся.

— Дурень! — крикнул он. — Скорей прячь свое рыло, хватит тебе дурачиться. Да смотри, будь осторожен, сейчас пойдем через мост!

Чжу Ба-цзе тоже рассмеялся и опустил голову.

Путники прошли через висячий мост, вошли в городские ворота и очутились на широкой улице с питейными и увеселительными заведениями, где царило большое оживление. Поистине этот город вполне мог состязаться со священной столицей великой Танской империи. Свидетельством тому могут послужить стихи:

Прекрасный город над рекой

Стеною прочной обнесен.

Встав на побережьи крутом,

О край горы оперся он.

К широким пристаням спеша,

Плывут по озеру суда,

Не счесть товаров дорогих,

Что каждый день везут сюда.

А вдоль базарных площадей

Шумят торговые ряды,

Харчевни, лавки и лотки

Полны товаров и еды.

Несметная толпа людей
Глядит с балконов и террас.
Прекрасен город! Счастлив тот,
Кто повидал его хоть раз.
Напоминает он красой
Столицу Танскую — Чанъань:
В нем так же звонко петухи
Встречают утреннюю рань,
Разносчики на всех углах
Задорно на заре кричат,
И так же громко у ворот
Сторожевые псы рычат.

Радуюсь в душе, Танский монах думал про себя: «Видимо, никто из людей, рассказывавших о западных странах, не бывал здесь. С первого взгляда здесь кажется все, как у нас. Однако если внимательней присмотреться, то жизнь здесь была совсем не такой, как в великой Танской империи! Видимо, не зря говорят, что есть рай земной!».

Дань риса здесь продавали за четыре цян, а конопляное масло — по восемь ли³ один цзинь. Танский монах окончательно уверился в том, что место это на самом деле является страной изобилия.

Долго шли наши путники и, наконец, приблизились ко дворцу, в котором жил князь — правитель Яшмовых цветов. По обеим сторонам дворцовых ворот были расположены казенные здания: управление наместника, судебная палата, придворная кухмистерская и подворье для приезжающих гостей.

— Братя, — молвил Танский монах, — вот и управление. Обождите меня здесь. Я зайду предъявлю проходное свидетельство здешнему правителю для проверки, и отправимся дальше.

— А мы что? Так и будем стоять перед воротами? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Ты разве не видишь, что над теми воротами красуется вывеска «Подворье для приезжающих», — ответил Танский монах. — Идите, посидите там, узнайте есть ли сено и фураж, купите немного да покормите коня. А я повидаюсь со здешним князем, и если он предложит угощение, то приду за вами, чтобы вместе покушать.

— Наставник! Иди спокойно по своим делам, — вмешался Сунь У-кун, — я сам обо всем позабочусь!

Ша-сэн понес поклажу в подворье. Служащие были настолько поражены безобразной наружностью приезжих, что даже не осмелились ни спросить их, кто они, ни прогнать их вон, а позволили им расположиться по собственному усмотрению. Но об этом мы пока рассказывать не будем.

Между тем Танский монах переоделся, достал проходное свидетельство и направился прямо ко дворцу князя. К нему уже спешил навстречу сановник, распорядитель церемоний.

— Откуда ты, почтеннейший? — вежливо спросил он.

— Я — монах из восточных земель Танского государства, послан в храм Раскатов грома поклониться Будде и попросить у него священные книги. Ныне, прибыв в вашу уважаемую страну, явился сюда только за тем, чтобы получить пропуск по проходному свидетельству и представиться вашему правителю — князю, тысячу лет ему здравствовать!

Сановник тотчас же отправился доложить о Танском монахе.

Правитель в самом деле оказался весьма просвещенным и гостеприимным. Он повелел немедленно пригласить к себе Танского монаха.

Танский монах вошел в приемный зал и совершил положенный поклон. Князь тут же пригласил его подняться и занять место рядом с ним. Затем Танский монах предъявил князю свое проходное свидетельство. Тот просмотрел его, увидел на нем множество печатей и подписей правителей разных стран и, с радостью достав свою драгоценную печать, тоже приложил ее к бумаге и расписался, затем аккуратно сложил бумагу и спросил:

— Почтенный наставник государя, не скажешь ли мне, как далек путь через разные страны от твоего великого Танского государства до этих мест?

— Я, бедный монах, не подсчитывал пройденного расстояния, — смущенно отвечал Сюань-Цзен, — но, помнится, в прошлые годы, когда перед моим правителем явилась в подлинном образе бодисатва Гуаньинь, она оставила на память о себе хвалебный стих, в котором было сказано, что путь на Запад составляет сто восемь тысяч ли. За все время, пока я путешествую, вот уже четырнадцать раз сменялись летний зной и зимние стужи.

— Четырнадцать раз сменялись летний зной и зимние стужи, — усмехнувшись, повторил князь, — значит, прошло четырнадцать лет. Полагаю, что в пути было очень много всяких препятствий?

— Да как сказать, — замялся Танский монах. — Всего ведь сразу не расскажешь! Прежде чем

достичь твоей благодатной земли, не знаю, право, сколько пришлось пережить мучений и страданий от разных зверей и дьяволов!

Правитель, видимо, был очень рад прибытию Танского монаха и сразу же велел придворному сановнику, ведавшему кухмистерской, заказать постную трапезу, чтобы накормить гостя.

— Со мной здесь еще трое моих учеников, — робко заявил Танский монах, обращаясь к правителю, — они ждут у входа в твой дворец. За угощение благодарю, но принять его не смею. Не могу задерживаться в пути.

Но князь не стал слушать его и приказал придворным:

— Ступайте живей и пригласите троих уважаемых последователей достопочтенного наставника пожаловать сюда, чтобы разделить с ним трапезу!

Дворцовые служащие бросились выполнять приказание, выбежали из ворот, но на все их расспросы слуги отвечали только: «Нет, не видели никого!». Вдруг кто-то спохватился:

— В подворье для приезжающих сидят трое монахов безобразнейших на вид, должно быть, это они и есть!

Дворцовые служащие направились в подворье и обратились к служителям:

— Не скажете ли нам, кто из приезжих у вас высокочтимые ученики преподобного монаха великого Танского государства, который следует за священными книгами? Наш властитель повелел пригласить их на трапезу.

Чжу Ба-цзе, сидевший тут же и уже дремавший, услышав слово «трапеза», встрепенулся и вскочил на ноги:

— Это мы, это мы! — закричал он.

Дворцовые служащие взглянули на него, да так и обомлели от страха, душа у них, как говорится, в пятки ушла.

— О небо! — бормотали они, дрожа. — Да ведь это же самое настоящее свиноподобное чудище!

Сунь У-кун, услышав их бормотание, разом схватил и привлек к себе Чжу Ба-цзе.

— Брат! — злобно прошептал он. — Веди себя попристойней, оставь свои мужицкие замашки.

Тем временем все служащие и служители обратили внимание на Сунь У-куна.

— Обезьяна-оборотень! Обезьяна-оборотень! — зашумели они.

Ша-сэн поднес сложенные руки ко лбу в знак приветствия и обратился ко всем присутствующим:

— Уважаемые господа! Не бойтесь нас. Мы трое действительно являемся учениками преподобного Танского монаха.

— Да ведь это дух очага! Дух очага! — отозвались служители, завидев Ша-сэна.

Сунь У-кун тотчас велел Чжу Ба-цзе взять коня, а Ша-сэну — коромысло с поклажей, и все трое в сопровождении слуг отправились ко дворцу князя Яшмовых цветов. Дворцовые служащие опередили их, чтобы известить о прибытии учеников Танского монаха.

Когда князь, подняв глаза, увидел их безобразные лица, его тоже обуял страх. Тут Танский монах сложил руки ладонями вместе и обратился к нему с такими словами:

— Успокойся, правитель, долгие тебе лета здравствовать! Мои ученики хоть и безобразны на вид, зато сердца у них добрые.

Чжу Ба-цзе, глядя исподлобья, произнес монашеское приветствие и сказал:

— Я — бедный монах, пришел навеститься о твоём здоровье! Правитель еще больше испугался.

— Я принял в ученики самых простых людей, — заговорил Танский монах извиняющимся тоном, — они совсем не умеют вежливо вести себя и соблюдать церемонии. Умоляю тебя простить их за это!

Тогда князь, преодолевая страх, велел сановнику, ведавшему кухмистерской, отвести монахов в беседку Белого шелка и накормить их там. Танский монах поблагодарил за милость и, простившись с правителем, отправился вместе с учениками в беседку. Оставшись наедине с ними, он стал укорять Чжу Ба-цзе:

— Вот навязался мне на шею! Никакой вежливости в тебе нет! Уж молчал бы лучше! Разве можно быть таким грубияном?! Ведь от твоего зычного голоса гора Тайшань может опрокинуться!

— Хорошо, что я не произнес монашеского приветствия, — смеясь, проговорил Сунь У-кун, — по крайней мере хоть этим не утрудил себя.

— Не в том дело, — возразил Ша-сэн, — он ведь приветствие произнес нескладно, да еще выставил вперед свое рыло и давай орать!

— Только и знает что придирается, — обозлился Чжу Ба-цзе. — Еще третьего дня наставник учил меня, что при встрече с человеком надо осведомляться об его здоровье — это вежливо; сегодня я так и поступил, оказывается, опять нехорошо. Для чего же, спрашивается, было учить меня?

— Я действительно учил тебя при встрече с людьми спрашивать об их здоровье, — спокойно ответил Танский монах, — но я никогда не велел тебе делать го же самое при встрече с князьями! Ведь не зря говорят: «Товары делятся по сортам, а люди — по рангам». Как же можно не делать различий между знатными и простыми?

Не успел он закончить, как появился сановник, ведавший кухмистерской, со слугами: стали накрывать стол, расставлять стулья и подали еду. Наставник и его ученики принялись молча есть.

В это время из приемного зала вышел правитель и направился к себе, во внутренние покои дворца, где находились трое его сыновей. Взглянув на отца, они поняли, что он чем-то испуган, и стали его расспрашивать:

— Отец наш, князь! Почему у тебя такой встревоженный вид?

— Только что к нам пожаловал монах из восточных земель великого Танского государства, который идет поклониться Будде и попросить у него священные книги, — отвечал правитель. — Он предъявил мне для пропуска свое проходное свидетельство и, прочитав его, я понял, что он не простого происхождения. Я предложил ему остаться на трапезу, но он отказался, сославшись на то, что у входа во дворец его ждут ученики. Я тотчас же велел их пригласить. Вскоре они появились и в моем присутствии вели себя весьма неводержанно: они не совершили никаких поклонов, а один из них просто поздоровался со мной; я остался недоволен, но когда взглянул на них, то увидел, что все они один другого безобразнее — похожи на дьяволов, и невольно струхнул.

А надо вам сказать, читатель, что сыновья князя отличались задором и воинственностью. Услышав слова отца, они стали сжимать кулаки и засучивать рукава.

— Это не иначе как злые оборотни, принявшие человеческий облик, явились сюда с далеких гор. Сейчас мы сходим за оружием и посмотрим, кто они такие! — сказал один из сыновей.

Ну и молодцы же были эти юноши! Старший взял огромную дубину, вышиной от пола до бровей, второй стал вертеть граблями с девятью зубьями, а третий вооружился черной палкой, покрытой лаком. Храбро и отважно они вышли из дворцового помещения и стали кричать:

— Что за монахи, паломники за священными книгами, объявились здесь? Где они?

В это время поблизости оказались сановник и слуги из кухмистерской, которые, завидев княжичей, повалились им в ноги.

— Повелители наши! Они находятся в беседке Белого шелка и вкушают там трапезу.

Трое княжеских сыновей ринулись в беседку и заорали:

— Вы кто, люди или оборотни? Отвечайте скорей, тогда мы пощадим вас!

Танский монах от страха побледнел, выронил плошку с едой и стал низко кланяться.

— Я — бедный монах из Танского государства, иду за священными книгами, — залепетал он, — я человек, а не оборотень.

— Да ты, пожалуй, еще похож на человека, — сказал один из княжичей, — а те трое уродов, конечно, оборотни!

Чжу Ба-цзе продолжал есть, не обращая ни на кого внимания.

Но Ша-сэн и Сунь У-кун приподнялись со своих мест и сказали:

— Все мы люди. И хотя некрасивы лицом и уродливы телом, зато сердца у нас честные и добрые. Откуда вы появились здесь и как смеее кричать и буянить?

Стоявшие в стороне слуги из кухмистерской заволновались.

— Да ведь это же княжичи, сыновья нашего правителя, — предупредительно произнес один из них.

Чжу Ба-цзе отбросил плошку с едой:

— Что?— переспросил он. — Княжичи? А почему они с оружием? Уж не собираются ли они сразиться с нами?

Тут второй княжич шагнул к Чжу Ба-цзе и, размахивая граблями, приготовился нанести ему удар. Чжу Ба-цзе ехидно засмеялся.

— Твои грабли годятся моим граблям во внуки! — воскликнул он.

Быстро расстегнувшись, Чжу Ба-цзе вытащил из-за пояса свои грабли и взмахнул ими. Десятки

тысяч золотистых лучей взметнулись в воздух, затем он несколько раз подкинул грабли, и от них заструились тысячи сверкающих полос. Княжич с граблями до того перепугался, что у него обмякли руки и ноги, и он больше не посмел потрясать своим оружием.

Сунь У-кун заметил, что у старшего княжича палица вышиной до бровей. Тогда он встал, вытащил из-за уха свой посох с золотыми обручами и помахал им в воздухе. Посох сразу же стал толщиной с плешку, а длиной, пожалуй, в два-три чжана. Сунь У-кун изо всей силы всадил его в землю на глубину примерно в три чи.

— Дарю тебе этот посох!— со смехом сказал он, обращаясь к старшему княжичу.

Тот, услышав эти слова, сразу же бросил в сторону свою палицу и потянулся за посохом Сунь У-куна. Он взялся за него обеими руками, изо всех сил стараясь выдернуть из земли, но посох не поддавался даже на волосок; он пытался и так и сяк, раскачивал в разные стороны, но посох, казалось, врос в землю.

Третий княжич тем временем тоже начал выказывать свой нор и, изловчившись уже собрался было пустить в ход свою черную палку, покрытую лаком. Но Ша-сэнь одним взмахом руки расколол ее, достал свой волшебный посох, покоряющий оборотней, покрутил его пальцами, и он вдруг засверкал чарующим блеском, излучая свет утренней зари. Все присутствующие, в том числе сановник и слуги из кухмистерской, онемели от испуга.

Тогда три княжича разом совершили низкий поклон и заговорили:

— О святые наставники! Святые наставники! Признаем себя неразумными мирянами. Умоляем вас не поскупиться и показать нам свое искусство, а за науки будем вечно поклоняться вам!

Сунь У-кун подошел к посоху, легко вытащил его из земли и ответил княжичам:

— Здесь слишком тесно, негде развернуться. Вот я сейчас взлечу на воздух и покажу вам один прием, а вы поглядите!

Молодец Сунь У-кун! Он со свистом перекувыркнулся в воздухе и разом стал обеими ногами на неожиданно появившееся облачко, сияющее всеми цветами радуги. Поднявшись довольно высоко в небо, примерно шагов на триста от земли, Сунь У-кун начал проделывать разные фокусы со своим посохом; он то размахивал им над головой, то вращал вокруг тела, то подбрасывал вверх, то опускал вниз, затем вращал его вправо, влево. Вначале казалось, что Сунь У-кун окружен сиянием, а потом его совсем не стало видно, один только посох рассекал воздух. Чжу Ба-цзе, наблюдавший это зрелище, издал восторженный возглас и, не удержавшись, стал приплясывать.

— Погодите! — воскликнул он наконец. — Я, старый Чжу, тоже сейчас позабавлюсь!

Ай да Чжу Ба-цзе! Воспользовавшись налетевшим ветерком, он быстро поднялся на воздух, примерно на такую же высоту, что и Сунь У-кун, и пустил в ход свои волшебные грабли: вверх — три раза, вниз — четыре, влево — пять, вправо — шесть, вперед — семь, назад — восемь. Движения его становились все быстрее и быстрее, так что слышен был только свист: «фью-фью». Когда Чжу Ба-цзе вошел в раж, Ша-сэн обратился к Танскому монаху.

— Дорогой наставник! Позволь и мне показать свое искусство!

Тут Ша-сэн разом подпрыгнул и, завертев своим волшебным посохом, тоже поднялся в воздух, причем видно было, как его посох излучает золотистый свет. Затем, держа волшебное оружие обеими руками, Ша-сэн начал проделывать удивительно красивые движения, которые у фехтовальщиков называются «Красный феникс смотрит на солнце» или «Голодный тигр бросается на добычу». Ша-сэн то стремительно бросался вперед, то медленно отводил воображаемый удар, то молниеносно поворачивался кругом и поспешно приседал, словно укрываясь от противника. Все три брата в монашестве, обладающие великими волшебными чарами, являли в небе свое могущество и фехтовальное искусство. Вот уж поистине:

Движеньями своими три монаха

На смертных в этот миг не походили:

Постигшие Великий путь познания

Все небеса собой заполнили.

Там, как живой, крутился грозный посох,

Сверкая золотыми ободками;

Со свистом грабли рассекали воздух,

Подхвачены могучими руками;

Волшебный посох в небесах вращался,

Спеша исполнить каждое желанье.

И от оружия воинов небесных

Лилось на землю грозное сверканье.

Так в их руках волшебного оружия

Необычайное происхождение

Явило людям все свое величье.

Повсюду вызывая преклоненье.

И хоть издревле славил народы

Край Зарослей небесного бамбука

За то, что там царило благочестье
И процветали мудрость и наука,
Но в этот миг и Юй-хуа надменный,
И княжичи, на чудеса взирая,
Склонились ниц, полны благоговенья
К монахам, что явились из Китая.

Княжичи до того перепугались, что опустились на колени прямо в пыль и грязь. Все старшие и младшие должностные чины, находившиеся в беседке Белого шелка, сам князь во дворце, военные и штатские, мужчины и женщины, монахи и монахини, даосы и миряне, словом, все жители города, в каждом доме и на каждом дворе держали в руках благовонные свечи, отбивали земные поклоны, молились Будде и совершали жертвенные обряды. Получилось на самом деле так, как говорится в стихах:

Увидев, что вернулись в прежний образ
Три путника, блиставших дивной властью,
Все возмечтали жить по их примеру —
Храня покой, даруя людям счастье.
Отныне всем открылся путь широкий,
Чтоб, не колеблясь, шли к Познанию люди
И чтобы знали: Истину постигнешь
Лишь созерцаньем да служеньем Будде.

Тем временем спутники Танского монаха спустились на землю, спрятали оружие и предстали перед своим наставником. Они спросили, понравилось ли ему их искусство и поблагодарили за позволение позабавиться. Затем все уселись по своим местам, и мы их пока оставим.

Трое княжичей поспешно вернулись во дворец и бросились к отцу:

— Отец наш, князь! — воскликнули они. — Какое огромное счастье привалило к нам! Мы только что видели удивительное военное искусство! Видел ли ты, что сейчас творилось в небе?

— Я заметил, что небо окрасилось сиянием, похожим на зарю, — ответил князь, — и тотчас же принялся возжигать фимиам и совершать поклоны. Я велел вашей матери и всем остальным последовать моему примеру. Не знаю, откуда снизошли и собрались здесь священные небожители...

— Да это вовсе не священные небожители, — перебили отца княжици, — а только трое безобразных учеников Танского монаха, направляющегося за священными книгами. Один из них действовал железным посохом с золотыми обручами, другой орудовал граблями с девятью зубьями, а третий — волшебным посохом, покоряющим злых оборотней. Их оружие точь-в-точь такое же, как у нас, нет ни малейшей разницы. Мы упросили их показать нам хотя бы один прием. Один из них и говорит: «На земле очень тесно, неудобно развернуться, вот я сейчас взлечу на воздух и покажу вам один из моих приемов». Друг за другом они взлетели на облаках в воздух, и сразу же по небу разлилось благодатное животворное сияние. Сейчас они спустились на землю и сидят в беседке из Белого шелка. Нам так понравилось их искусство, что мы готовы поклониться им и просить их быть нашими наставниками, дабы выучиться у них владеть оружием и защищать нашу страну. Это будет поистине великое дело! Что ты скажешь, отец, если мы обратимся к ним?

Старый князь внял словам сыновей и дал полное согласие.

В тот же час все четверо: отец и трое сыновей, без парадного поезда и балдахинов, пешком направились к беседке Белого шелка. В это время наши путники уже собрали свою поклажу и хотели идти в дверь, чтобы поблагодарить за трапезу, попрощаться с князем и двинуться в путь, но вдруг увидели самого князя с тремя сыновьями, которые еще издали повалились на колени и стали кланяться до самой земли. Танский наставник подскочил от смущения, а затем тоже бросился наземь и стал совершать ответные поклоны. Сунь У-кун, вслед за Чжу Ба-цзе и Ша-сэном, отошел в сторону и смотрел на эту сцену, насмешливо улыбаясь. Когда церемония взаимных поклонов была окончена, правитель уезда пригласил Танского монаха и его учеников в приемную. Монахи с радостью согласились и вошли в зал.

— Уважаемый и почитаемый Танский наставник! — начал, стоя, говорить правитель. — Есть одно дело, по которому я обращаюсь к тебе с просьбой. Не знаю, право, согласятся ли исполнить ее твои уважаемые ученики?

— Ты только прикажи им, — ответил Танский монах, — они не осмелятся не повиноваться тебе, дорогой правитель, тысячу лет тебе здравствовать!

— Когда я впервые увидел всех вас, — продолжал правитель, — то мне показалось, что ты, уважаемый наставник, удостоен звания Странствующего монаха. Но, видимо, мои плотские очи впали в заблуждение. Только теперь, убедившись, с каким искусством мастера-наставники Сунь, Чжу и Ша фехтуют своим оружием, находясь в воздухе, я понял, что они настоящие небожители, истинные Будды! Трое моих щенков-сыновей всю жизнь занимаются фехтованием, имеют к нему склонность, и сейчас, преисполнившись чувством уважения к твоим ученикам, просят их быть наставниками, чтобы научиться хорошо владеть оружием. Молю тебя, уважаемый и почтенный мой духовный наставник, открой свое сердце, великое, как Небо и Земля, и снаряди в путь свой челн милосердия, на котором могли бы плыть в волнах истины мои презренные сыны! Свято обещаю отблагодарить тебя дарами, которыми можно будет запрудить целый город...

При этих словах Сунь У-кун не удержался и залился громким хохотом.

— Эх ты, а еще правитель! Ничего ты не понимаешь! — проговорил он сквозь смех. — Ведь мы, отрешившиеся от житейских сует, должны иметь учеников-последователей, которым могли бы передать наши знания. Если у твоих сыновей на самом деле есть желание творить добрые дела, то мы готовы научить их, пусть только относятся к нам с добрым чувством! Ни в коем случае не сули нам никаких богатств! Достаточно доброго отношения.

От этих слов князь пришел в неописуемую радость и сразу же приказал устроить большой пир в парадном зале дворца! Стоило только князю произнести одно слово, как приказание уже было исполнено. Поглядели бы вы, читатель, какой это был пир!

Чуть колышутся флаги и ленты кругом,

И дымки ароматные тают,

С изукрашенных золотом хрупких столов

Дорогие шелка ниспадают.

А сидения лаком покрыты цветным

И парчою в узорах богатых,

Все, как радуга, здесь ослепляет глаза,

Все сверкает в роскошных палатах.

С веток только что сладкие сняты плоды

И лежат, аромат источая,

И тончайшие запахи реют вокруг

Золотого, горячего чая.

Вот пампушки лежат, весом каждая в лян,

Возвышаясь горою над блюдом.

Сколько подано яств — до пятнадцати смен,

А любое покажется чудом!

А молочные кушанья! Что их вкусней?

Их готовили с медом топленным.

Но не хуже и жареные потроха,

Что приправлены сахаром жженым.

И бутылки отборнейших рисовых вин

Взор гостей привлекают не даром:

Если в чашу нальешь да глоток отхлебнешь —

Не сравнишь и с небесным нектаром!

Вот и чай подают. Сколько разных сортов!

О божественный чай из Янсяня!

Лучше всякой корицы его аромат,

Нет прекраснее благоуханья!

Приготовлено все, чтобы гости могли

Пировать беззаботно и празднo,

И куда ни взгляни — все на этих столах

Так чудесно и разнообразно!

Затем позвали шутов. Они пели, плясали, играли на дудках и бренчали на струнах, даже разыграли целое представление.

Наставник со своими учениками весело провели целый день в обществе князя и его сыновей. Незаметно наступил вечер, и пирующие стали расходиться. Князь приказал быстро постелить постели и натянуть пологи в беседке, после чего предложил Танскому монаху и его спутникам расположиться на ночлег, с тем чтобы на следующий день с самого утра возжечь фимиам, помолиться и начать обучение его сыновей боевому искусству. Монахам подали тазы с теплой ароматной водой для омовения, после чего они отправились спать. Уже наступила пора, когда

Птицы в гнезда уселись,

Покой воцарился глубокий.

Лег поэт на тахту,

Перестал подбирать свои строки.

А Река серебристая,

Волны свои разливая,

Озаряет сиянием

Небо от края до края.

Опустели тропинки

В полях у последней заставы,

И в ночной полутьме

Словно гуще становятся травы.

Все затихло вокруг,

Речь людская уже не слышна мне,

Только где-то вальки

Ударяют о гладкие камни.

За извивами рек,

За твердыней хребта векового

Мне о крае родном

Эти звуки напомнили снова.

А над ложем моим,

Разгадав мое горькое бденье,

Все стрекочет сверчок,

Отгоняя во тьму сновиденья.

Ночь прошла. Рано утром старый князь со своими сыновьями снова явился к нашим путникам. При вчерашней встрече Танский монах оказывал князю почести, подобающие его званию, а нынче он уже приветствовал его как равного. Трое княжичей встали на колени перед Сунь У-куном, Чжу Ба-цзе и Ша-сэном и земно поклонились им.

— Досточтимые наставники! Покажите нам еще раз ваше волшебное оружие! — взмолились они.

Чжу Ба-цзе, обрадованный таким обращением, достал грабли и бросил их на пол. Ша-сэн вытащил свой волшебный посох и прислонил его к стене. Княжичи, второй и третий по старшинству лет, бросились к оружию, пытаясь поднять его, но все их усилия были столь же тщетны, сколь оказались бы напрасными потуги стрекозы, пожелавшей сдвинуть с места каменный столб. От напряжения их лица покраснелись, но они так и не смогли приподнять оружие даже на волосок. Старший брат заметил их смущение и крикнул им:

— Братья! Не тратьте зря свои силы. Ведь у наших наставников оружие священное: вес его несоизмерим с нашими силами!

Чжу Ба-цзе задорно рассмеялся.

— Мои грабли вовсе не такие тяжелые, — сказал он, — они соответствуют числу одной только трети священных книг, и вместе с рукоятью весят пять тысяч сорок восемь цзиней!

Второй княжич робко спросил Ша-сэна:

— Почтенный наставник! Сколько же весит твой волшебный посох?

— Тоже пять тысяч сорок восемь цзиней, — смеясь, ответил Ша-сэн.

Старший княжич попросил Сунь У-куна показать посох с золотыми обручами. Сунь У-кун достал из уха иглу, помахал ею навстречу ветру, и она сразу превратилась в посох, толщиной с плешь, который он воткнул в землю перед собой. Старый князь и его сыновья застыли от страха, чины и слуги пришли в ужас. Княжичи совершили вежливый поклон, и один из них спросил:

— Почему у наставников Чжу и Ша оружие находится при себе, под одеждами, и они сразу достают его, а у наставника Суня оно спрятано за ухом? Почему от ветра его оружие увеличивается?

— Где вам знать, что мой посох не простой, — смеясь, ответил Сунь У-кун, — да и не всякий сможет пользоваться им. Вот послушайте, что я вам расскажу:

Когда над хаосом извечным

Мир поднялся и заблистал,

Из горных руд железо плавить

Великий Юй впервые стал.

О всех потоках и озерах

И о глубинах всех морей

Издревле посоху известно, —

Когда пробиты были горы

И злоба вод усмирена,

Впервые в мире наступили

Безоблачные времена,

И в те года в Восточном море.

Всегда готовый в смертный бой,

Глубоко во Дворце подводном

Хранился верный посох мой.

Прошли бесчисленные годы,
Века прошли, — и вот, смотри:
С годами снова засиял он
Лучами утренней зари.
Искусством дивным овладел он:
То сокращаться, то расти,
То озарять сияньем дивным
Непроходимые пути.
Добыть его со дна морского
Мне выпала однажды честь. —
Он был послушен заклинаньям,
А обликов его не счесть!
Захочешь — вырастет огромным,
Все мирозданье заслонит,
Захочешь — станет, как иголка,
Совсем невзрачная на вид.
Единственным, неповторимым
Считает посох мой народ.
И даже в небе, средь бессмертных,
Он чудодейственным слывет
Его «Послушным» называют,
Хотя не всем он и с руки,
Его узнаешь, если глянешь
На золотые ободки.
Тринадцать тысяч цзиней весом,
А может даже тяжелей,
Ему прикажешь — он сумеет
Стать то короче, то длинней;

Ему прикажешь — он сумеет
И толще стать и тоньше стать,
То вдруг бесследно исчезает,
То появляется опять...
Служил он мне большой подмогой,
Когда, исполнен дерзких сил,
Я в голубых чертогах Неба
Погром жестокий учинил.
Он был мне верным, сильным другом,
Когда, сквозь тысячи невзгод
В подземном царстве непроглядном
Я страшный совершал поход.
С ним вместе покорял драконов,
Свирепых тигров укрощал,
Повсюду проходил спокойно,
Ни дебрей не боясь, ни скал,
И бесов самых закаленных
Умею побеждать в бою.
И оборотней вероломных
Мгновенной смерти предаю.
Мне стоит только размахнуться,
Любой конец его поднять
И прямо в небеса ударить,
В сияющую благодать,
И сразу солнце потемнеет,
Весь мир сокроется во мгле,
И устроятся духи в небе
И оборотни на земле!

Из хаоса давно возник он
И все эпохи пережил,
Уходят годы, но с годами
Не потерял мой посох сил!
Пройдут столетье за столетьем, —
Его не старят времена:
Его, как видите, отлили
Не из простого чугуна!

Княжичи внимательно слушали Сунь У-куна и беспрестанно отбивали земные поклоны. Затем они подались вперед и, выражая самое искреннее почтение и уважение, стали просить, чтобы их научили приемам фехтования.

— Каким бы оружием вы хотели владеть? — спросил Сунь У-кун.

— Кто пользуется палицей, пусть выучится владеть ею; кто привык пользоваться граблями, пусть научится действовать граблями; а кому нравится посох, пусть учится, как лучше его использовать, — ответили княжичи.

— Научить не трудно, — засмеялся Сунь У-кун, — только силенок у вас маловато, вы не сможете действовать нашим оружием и получится, как у того художника, который рисовал тигра, а вышла собака. Древние люди сложили такую поговорку: «Если обучение ведется не строго, значит, учитель ленив; виноват сам ученик, коль ученье не постиг в совершенстве». Раз вы искренне хотите учиться, то прежде всего принесите сюда фимиам и поклонитесь Небу и Земле. Сначала я придам вам духовные силы, лишь после этого вы сможете перенимать фехтовальное искусство.

Княжичи были счастливы, услышав эти слова. Они собственноручно притащили жертвенник, помыли руки, зажгли ароматные свечи и, обратив лицо к небу, начали отбивать поклоны. Закончив обряд поклонения, они попросили наставников объяснить им приемы.

Сунь У-кун повернулся лицом к Танскому монаху, вежливо поклонился ему и сказал:

— Досточтимый наставник мой! Прошу тебя, прости мою вину! С тех пор как на горе Усиншань ты проявил милосердие и научил меня подвижничеству шраманов и за время нашего пути на Запад я не имел случая отблагодарить тебя за эти милости. Правда, я, не жалея сил, помогал тебе переправляться через реки и горы, и делал это от чистого сердца. Ныне мы вступили на родину Будды и нам посчастливилось встретиться с тремя просвещенными княжичами, которые умоляют нас, твоих учеников, научить их искусству фехтования. Поскольку они становятся нашими учениками, то тебе, наш наставник, они придутся внучатыми учениками.

Почтительно прошу твоего благословения, дабы успешно наставлять их.

Танский монах, до глубины души растроганный этими словами, очень обрадовался. Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, по примеру Сунь У-куна, тоже повернулись лицом к наставнику и совершили перед ним земные поклоны.

— Отец, учитель наш! Мы глупы и невежественны, и даже складно говорить не умеем, — сказали они, — но просим тебя, разреши и нам взять себе по ученику и позабавиться Пусть останется хоть одно хорошее воспоминание о нашем пути на Запад!

Танский монах обрадовался еще больше и дал свое согласие. Тогда Сунь У-кун велел трем княжичам зайти за беседку Белого шелка. Там они нашли укромное место, где Сунь У-кун нарисовал на земле созвездие Ковша. Он велел всем троим ученикам уместиться в рисунке Ковша, закрыть глаза и ни о чем не думать. Сам он тем временем прочел про себя заклинание и молитву, а затем вдунул в нутро каждого из княжичей божественный дух, после чего души княжичей покинули их. Затем Сунь У-кун при помощи заклинания вселил в каждого из княжичей телесную силу в десятки тысяч раз большую, чем та, которой они обладали прежде. Они, казалось, полностью переродились. К полдню княжичи очнулись и разом вскочили на ноги. Потерев лицо руками, они встряхнулись всем телом и почувствовали в себе огромную силу. Старший сразу же взялся за посох с золотыми обручами, второй княжич стал вертеть колесом грабли с девятью зубьями, а младший поднял вверх волшебный посох, покоряющий дьяволов и оборотней.

Старый князь, видя все это, не помнил себя от радости. Снова был устроен пир для изъявления благодарности Танскому монаху и его ученикам. Перед началом пира каждый из княжичей научился от своих учителей владеть оружием: один — посохом с золотыми обручами, другой — граблями с девятью зубьями, а третий — посохом, покоряющим оборотней. Они хоть и сделали по несколько выпадов, но все же, как простые смертные, несмотря на старание и усердие, быстро устали и не могли долго держаться. Оружие, которым княжичи фехтовали, обладало волшебным свойством превращений, но разве могли княжичи воспользоваться этими замечательными превращениями!

Пир закончился в тот же день.

На следующий день трое княжичей вновь пришли благодарить.

— Мы очень признательны вам за то что вы наделили нас силой, — сказали они, — мы все теперь можем действовать вашим оружием, хоть нам и трудно вращать его и перекидывать из руки в руку. Мы намерены приказать нашим мастерам изготовить оружие по вашему образцу, но более легкое по весу. Не знаем только, позволите ли вы, наши наставники, поступить так?

— Хорошо! Хорошо! Отлично! — обрадовался Чжу Ба-цзе. — Вы очень дельно говорите. Что же касается нашего оружия, то, во-первых, вам не полагается пользоваться им; во-вторых, оно нам самим потребуется для защиты учения Будды от злых дьяволов. Вам, конечно, необходимо сделать себе оружие! Княжичи тотчас же дали распоряжение позвать кузнецов, закупить

десять тысяч цзиней стали и устроить на переднем дворе литейную мастерскую с плавильной печью. Здесь первый день плавил сталь, а на другой день княжичи попросили у Сунь У-куна разрешения взять в мастерскую посох с золотыми обручами, грабли с девятью зубьями и волшебный посох, покоряющий дьяволов и оборотней, чтобы изготовить оружие такого же образца. С того времени оружие сутками оставалось в мастерской.

Увы! Это оружие было также и талисманом, с которым носители его не должны были расставаться ни на один миг. Ученики Танского монаха постоянно держали свое оружие при себе, и оно своим сиянием во многих случаях охраняло их от опасностей. А теперь оружие уже несколько дней находилось в мастерской, и дивное сияние зари, исходившее от него десятками тысяч лучей, возносилось высоко в небо, а благовещие пары разносились по земле тысячами струй. И вот в одну из этих ночей объявился злой оборотень. Недалеко от города, на расстоянии всего лишь семидесяти ли, была гора, носящая название Барсова голова, а в этой горе была пещера под названием Пасть тигра, — обитатель этой пещеры, оборотень, ночью заметил дивное сияние и благовещие испарения и тотчас же направился на облаке посмотреть на чудо. Сияние исходило из переднего двора усадьбы князя. Оборотень опустил вниз свое облако, приблизился к тому месту и увидел три разных оружия, от которых исходило чудесное сияние. Обрадованный такой находкой, оборотень стал говорить сам с собою:

— Какие замечательные драгоценности! Ах, какие драгоценности! Кто же ими пользуется? Кто оставил их здесь? Видимо, сама судьба посылает мне эти сокровища прямо в руки. Возьму-ка их с собою! Возьму!

От чувства восхищения, которое охватило оборотня, у него прибавилось силы, он разом забрал в охапку все три вида оружия и умчался обратно, прямо в свою пещеру.

Вот уж верно сказано:

Нельзя ни на мгновение отступать нам

От истинного, светлого пути:

Тому, кто хоть на миг с него сойдет,

Назад дорогу трудно обрести.

Пропало все священное оружие —

Потеря, что страшнее всех потерь!

И прежнее стремление к совершенству,

Труды, мольбы — напрасно все теперь.

Если вам интересно узнать, как удалось найти похищенное оружие, прочтите следующую главу.